

ИСТОРИОГРАФИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЕЛИСЕЕВ А. Б.,
МЕНЬКОВСКИЙ В. И.

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
PATRIOTIC ACTIVITIES
HISTORIOGRAPHY
IN WORLD WAR II

EVSEEV A. B., MENKOVSKY V. E.

В статье на основе историографического материала рассматривается патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны.

The article, basing on historiography material examines the Russian Orthodox Church patriotic activities in World War II.

Ключевые слова: патриотизм, русская православная церковь, Великая Отечественная война.

Keywords: patriotism, Russian Orthodox Church, World War II.

УДК 930

Великая Отечественная война поставила все слои населения Советского Союза перед гражданским и нравственным выбором. В первый же день войны с патриотическим призывом к верующим обратилась Русская православная церковь (РПЦ). В послании Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) 22 июня 1941 г. говорилось: «Фашиствующие разбойники напали на нашу родину... Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг» [1].

Как объект исторического исследования, деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны начинает рассматриваться во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. С этого времени формируются два подхода к изучению истории РПЦ военного периода, представленные советской историографией и историографией русского зарубежья. Вплоть до второй половины 1980-х гг. исторические дискуссии вокруг роли Московского Патриархата в годы войны будут определяться именно их противостоянием.

В рамках советской исторической науки можно выделить работы светских и православных авторов. Несмотря на это, нет оснований говорить о двух историографических направлениях, т. к. для тех и других характерен единый подход к общей оценке государственно-церковных отношений в СССР: только после отделения церкви от государства в 1918 г. РПЦ приобрела наиболее благоприятные условия для свободного существования за всю свою историю. Разумеется, православные историки и богословы не разделяли официально общепринятого положения о вреде религии и необходимости преодоления ее влияния на общество.

Основное внимание советских исследований было сосредоточено на патриотической

позиции церкви в годы войны как центральном факторе, повлиявшем на нормализацию отношений православной церкви с Советским государством. Сам термин «нормализация» для характеристики этих процессов широко использовался официальной советской наукой [2]. Ряд авторов рассматривали патриотизм РПЦ в годы Великой Отечественной войны в качестве вынужденного шага. Так, А. И. Барменков, В. В. Колобков, Ф. М. Придувалов считали, что, т. к. основная масса верующих уже твердо стояла на почве поддержки советской власти и активно включилась в строительство нового общества, то иная позиция церкви лишила бы ее доверия верующих, что означало немедленную изоляцию церкви и ее крах [3]. С другой стороны, например, Э. И. Лисавцев, в качестве доминирующего фактора для формирования патриотического курса РПЦ называет ее искреннее стремление к победе над врагом, подчеркивая, что религия, несмотря на это, остается антинаучным и реакционным мировоззрением [4]. Наиболее резкой в отношении патриотического курса церкви в военные годы являлась позиция В. Е. Ладоренко и А. Т. Вещикова [5]. Последний, объясняя патриотический курс церкви ее прошлой антисоветской деятельностью, писал: «...эта позиция как бы смывала с репутации церкви то пятно, каким явилась поддержка ею белогвардейцев и интервентов в период гражданской войны и отказ в помощи голодающим Поволжья в 1922 г.» [6].

Выбор позиции РПЦ в период Великой Отечественной войны нашел свое отражение в выступлениях, проповедях и посланиях высших церковных иерархов [7]. Православными исследователями фактор искренности утверждается как доминирующий без каких-либо оговорок. Так, Н. Заболотский отмечал: «Дело революции — дело родной страны и родного народа, оно — дело членов Православной Церкви. Поэтому, когда советский народ защищал в Великой Отечественной войне завоевания Октября, православные граждане внесли в общенародное дело свою долю единодушия, трудового и воинского героизма» [8]. Нормализация государственно-церковных отношений в годы войны рассматривалась как главная заслуга митрополита Сергия [9]. Притом было очень важно обозначить преемственность этого курса от Патриарха Тихона, который, стремясь к легализации центральных и епархиальных органов управления, не-

однократно в конце своей жизни заявлял о лояльности церкви советской власти и ее отказе от вмешательства в политику.

У современных исследователей не вызывает сомнения, что все послабления, полученные православной церковью в годы войны от государства, имели своей целью именно ее подключение к политике. РПЦ должна была оказать моральную поддержку Красной Армии и населению тыла, помочь в сборе материальных средств в фонд победы. Но главное ее предназначение государство видело в выполнении функции связующего звена между СССР и всем остальным миром, защитника от обвинений в преследованиях за веру в Советском Союзе.

Рассматривая патриотическую деятельность церкви — сбор средств на нужды фронта, создание танковой колонны имени Дмитрия Донского и военно-воздушной эскадрильи имени Александра Невского, послания и проповеди с призывами к сопротивлению врагу — официальные светские историки подчеркивали, что было бы ошибкой переоценивать ее значение в достижении победы. Победа в войне — это заслуга не церкви, решающую роль здесь сыграл общественный и государственный строй СССР [10]. Вместе с тем А. И. Барменков добавлял, что Советскому государству «не было безразлично поведение духовенства во время войны» [11].

Работы представителей русского зарубежья по занятым авторами позициям абсолютно противоположны советским исследованиям. Период Великой Отечественной войны большинством эмигрантских авторов включается в рамки «критического подхода». По их мнению, выбор поддержки Советского государства в борьбе с фашистскими захватчиками не был для церкви однозначным. Альтернативой ей могла бы быть нейтральная или вовсе антисоветская позиция РПЦ. Это было бы своего рода расплатой за потери, понесенные церковью за годы советской власти. Такие исследователи, как А. А. Боголепов, Д. В. Константинов, В. Степанов (Русак) видели главную причину патриотического курса РПЦ в боязни перед новыми репрессиями, которые могли бы возобновиться после войны [12].

Авторов русского зарубежья также интересовали побудительные мотивы стремления советского государства к нормализации отношений с православной церковью. В. И. Алексеев и Ф. Г. Ставру, называя

изменения в положении РПЦ в годы войны «религиозным нэпом», считали, что главной причиной этого пересмотра было возрождение религиозной жизни на оккупированных территориях СССР [13]. Германская администрация занятых территорий действительно имела планы по поддержке религиозного движения, но только как враждебного советской власти. Например, только в 1941 г. в Минской епархии было открыто 120 церквей [14]. В целом же на всех оккупированных территориях за три года открылось, по оценке М. В. Шкарковского, 9400 храмов [15]. Если учесть, что на 1 июня 1945 г. на всей территории СССР действовало 10243 церквей [16], то масштабы религиозного возрождения в оккупированных областях представляются действительно весьма значительным фактором, имевшим влияние на советское руководство.

В историографии русского зарубежья определенное распространение получило мнение, согласно которому изменения государственно-церковных отношений в военный период объясняются также тем, что «за жизнь в атеистическом государстве народ воевать отказался» [17]. Такая точка зрения не представляется убедительной, она скорее соответствует иллюзорному представлению русскоязычных зарубежных авторов о положении в СССР. Многие из них в своих работах отталкивались от необоснованного тезиса о том, что большинство населения Советского Союза не поддерживало существующий в стране строй и желает его смены. Эта позиция зарубежных исследователей соответствовала общему курсу РПЦ за границей, который носил ярко выраженный политический антисоветский характер.

Глава Карловацкого Синода митрополит Анастасий (Грибановский) неоднократно во время войны открыто выступал в поддержку Германии. Характеризуя такую позицию, С. В. Троицкий справедливо писал, что «не только митрополит Анастасий, но и вся карловацкая организация, следуя за своим вождем, во время страшной борьбы нашей родины с грозным врагом была на стороне этого врага» [18]. Так, 13 июля 1941 г. президенту США Ф. Д. Рузвельту было направлено письмо, подписанное в числе других и одним из руководителей Карловацкого Синода архиепископом Виталием, в котором говорилось, что «русские не будут добровольно сражаться за Сталина» и помощь Соеди-

ненных Штатов Советскому Союзу в борьбе с Германией будет расцениваться ими как попытка «продлить агонию... горестного существования под красным игом» [19]. В работе «Русская Православная Церковь в Северной Америке» это письмо характеризовалось как «глубоко патриотическое и мудрое» [20]. И. Андреев высказывал по поводу патриотизма церкви спорную точку зрения о том, что если бы руководство РПЦ в лице митрополитов Сергия (Страгородского) и Алексия (Симанского) не поддержало советскую власть, то последняя вынуждена была бы пойти на большие уступки «чистой и бескомпромиссной Церкви» [21].

Большое внимание зарубежные эмигрантские авторы уделяли позиции Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, ставшего 8 сентября 1943 г. Патриархом Московским и всея Руси. Его деятельность характеризовалась в основном негативно, неоднократно он назывался исполнителем заданий И. В. Сталина [22]. Избрание Сергия Патриархом рассматривалось ими как не каноничный акт, носящий политический характер. Г. Граббе отмечал, что Сергий, как «поставленный» советской властью, «был не Патриархом, а лжепатриархом» [23].

Современная историография отношений РПЦ и советского государства в период Великой Отечественной войны характеризуется разнообразием подходов к проблеме. Те новые возможности, которые появились у историков с конца 1980-х гг., обеспечили к настоящему времени наличие работ, раскрывших многие ранее неизвестные моменты истории РПЦ в годы войны.

На рубеже 1980—1990-х гг. историки В. А. Алексеев и М. И. Одинцов впервые познакомили общественность с максимально полным содержанием исторической встречи 4 сентября 1943 г. высших иерархов РПЦ с И. В. Сталиным в Кремле [24]. В. А. Алексеев предположил, что улучшение взаимоотношений с РПЦ было необходимо для сплочения всех антифашистских сил и связывалось с первой встречей лидеров стран антигитлеровской коалиции в Тегеране, на которую И. В. Сталин возлагал надежды по открытию «второго фронта». Накануне конференции в Советский Союз прибыла делегация Англиканской церкви, которую, по мысли И. В. Сталина, должно было бы принять высшее руководство Православной церкви во главе с Патриархом. «Это одно от вело бы многие обвинения СССР за

крайне сложные взаимоотношения с церковью» [25]. Действительно, с делегацией Англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским С. Ф. Гарбетом неоднократно встречался новоизбранный Патриарх Сергей. В конце последней встречи 27 сентября 1943 г. С. Ф. Гарбет сказал Сергию, что, если его будут спрашивать, есть ли в СССР «свобода отправления религиозного культа», то он будет всем отвечать, что «безусловно, да» [26]. Полноту и значение внешнеполитического фактора в пересмотре политики в отношении РПЦ показали в своих монографиях также историки О. Ю. Васильева и М. В. Шкаровский [27].

Ряд современных исследователей высказывают спорное предположение о том, что истоки наступивших в жизни РПЦ перемен в период войны нужно искать в религиозности И. В. Сталина. На основании анализа сталинских работ и выступлений, воспоминаний о нем В. Т. Ефимов пришел к выводу о существенном влиянии православия на внутренний мир И. В. Сталина [28]. Неудачное начало войны, осознание огромной ответственности еще более увеличили его православное мировосприятие. Вместе с тем еще в начале 1990-х гг. Д. А. Волкогонов, объясняя рассматриваемые процессы личными качествами И. В. Сталина, его стремлением к неограниченной власти, отвергал какую-либо возможность активизации религиозности у И. В. Сталина [29]. Прагматическими расчетами, а не религиозностью объясняет позицию И. В. Сталина в отношении РПЦ М. В. Шкаровский [30].

Представляет интерес интерпретация позиции РПЦ в годы Великой Отечественной войны современными православными

историками. Смысл ее сводится к тому, что внутренне православная церковь была отрицательно настроена по отношению к советской власти, используя «метод иносказания и намека» [31]. Например, В. Цыпин указывает, что в послании Патриарха Сергия 7 ноября 1943 г. есть упоминание о «богоданном вожде», но его имя прямо не названо. «Богоданными в России называли монархов, и об этом в России еще помнили», — пишет В. Цыпин [32]. Таким образом, автор считает, что в столь завуалированной форме Сергей намекал на необходимость восстановления монархии в России. Однако такое послание Патриарха, скорее, исключение, в других многочисленных посланиях он, а затем Патриарх Алексей неоднократно прямо называют И. В. Сталина «богоданным», «богоизбранным вождем».

В последние годы в историографии формируется комплекс работ, посвященных отдельным проблемам истории РПЦ военного времени: изменению структуры управления церковью в 1941–1945 гг., анализу ее правового положения, возрождению духовного образования, истории отдельных епархий [33]. В рамках современных научных исследований стало возможным устранение идеологических разногласий. Вместе с тем большое значение для понимания проблемы имеют предшествующие наработки историков. Комплексное изучение историографического материала позволяет получить наиболее полную и объективную картину деятельности РПЦ в годы Великой Отечественной войны, ее роли и места в достижении Победы.

Примечания

1. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сб. церк. документов. М., 1943. С. 3–4.
2. Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 122; Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1982. С. 85; Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1971. С. 201; Уткин Г. Т. Православие: краткий исторический очерк русской православной церкви и ее современного состояния. М., 1961. С. 23.
3. Барменков А. И. Указ. соч. С. 117; Колобков В. В. Наследие вековой тьмы. (Критика современного русского православия). Киев, 1962. С. 40, 50–51; Придувалов Ф. И. Приспособленческие тенденции в идеологии современного православия в СССР // Критика религиозной идеологии. М., 1961. С. 13
4. Лисавцев Э. И. Указ. соч. С. 263–266.
5. Ладоренко В. Е. К вопросу об изменении политической ориентации Русской православной церкви. (1917–1945) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Вып. XII. С. 106–123; Вещиков А. Т. Война и вера // Наука и религия. 1973. № 1. С. 24–29
6. Вещиков А. Т. Указ. соч. С. 27.
7. См.: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война...; Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947; Алексей. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи. (1941–1946). М., 1948; Николай. Слова, речи, послания. Т. 1. 1941–1946. М., 1947.

8. Заболотский Н. Русская православная церковь в новых социальных условиях // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 7. С. 34.
9. Васильев А. Положение русской православной церкви в СССР // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 1. С. 42; Глухов Н. А. Патриарх Сергей и его деятельность // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 3. С. 68—69.
10. Вещиков А. Т. Указ. соч. С. 27; Корзун М. С. Русская православная церковь. 1917—1945. Изменение социально-политической ориентации и научной несостоятельности вероучения. Мн., 1987. С. 103.
11. Барменков А. И. Указ. соч. С. 121.
12. Боголепов А. А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958. С. 23; Константинов Д. В. Голос Церковь. Русская Православная Церковь в СССР. Нью-Йорк, 1967. С. 36; Степанов В. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 1. С. 182—183.
13. Алексеев В. И., Ставру Ф. Г. Русская Православная Церковь на оккупированных немцами территориях // Русское Возрождение. 1980. № 11. С. 94—95.
14. Силова С. В. Крестный путь. Православное духовенство Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Мн., 2004. С. 20.
15. Шкаровский М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). М., 2000. С. 183.
16. Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 215, 398.
17. Аксютин В. Атеистическая идеология. Государство. Церковь // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С. 228.
18. Троицкий С. В. О неправде Карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР». Париж, 1960. С. 115.
19. Русская Православная Церковь в Северной Америке. Историческая справка. Джорданвилль-Нью-Йорк, 1954. С. 90.
20. Там же. С. 184.
21. Андреев И. Благодатна ли советская церковь? // www.romantas.ru/content/andreev.htm
22. Там же; Боголепов А. А. Указ. соч.; Русская Православная Церковь в Северной Америке... С. 94.
23. Граббе Г. Русская Церковь перед лицом господствующего зла // www.catacomb.org.ua/modules.php?name=pages&go=pages&pid=408
24. Алексеев В. А. Неожиданный диалог // Агитатор. 1989. № 6. С. 41—43; Одинцов М. И. Другого раза не было // Атеистические чтения. 1989. Вып. 19. С. 8—9; Он же. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 142—158.
25. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 336—337; Он же. Штурм небес отменяется: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С. 42.
26. «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943—1946 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 143.
27. Васильева О. Ю. Русская Православная церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. М., 2001. Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 284—305.
28. Ефимов В. Т. Православие в душенастрое Сталина. М., 2001.
29. Волкогонов Д. А. Сталин и религия // Наука и религия. 1989. № 2. С. 10—11.
30. Шкаровский М. В. Русская православная церковь // Война и общество. М., 2004. С. 200.
31. Страж дома господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). М., 2003. С. 812.
32. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. 1917—1997. М., 1997. С. 303.
33. Якунин В. Н. Укрепление положения Русской православной церкви и структура ее управления в 1941—1945 годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 83—93; Он же. Возрождение духовного образования в СССР в годы Великой Отечественной войны // Alma mater. 2002. № 6. С. 48—51; Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945. СПб., 1995.

Сведения об авторах:

Елисеев Алексей Борисович, канд. ист. наук, преподаватель кафедры истории России Белорусского государственного ун-та (Минск, Белоруссия).

Меньковский Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Белорусского государственного ун-та (Минск, Белоруссия).

E-mail: Menkovski@bsu.by.

